

16+

Личное время

— • КНИЖНОЕ КАФЕ — • —

ПЕТР ЧЕКМЕЗОВ

Петр Чекмезов

Книжное кафе «Личное время»

<https://litres.ru/74377857>

SelfPub; 2026

Аннотация

Откройте для себя захватывающую историю о загадочном книжном кафе «Личное время», где каждый посетитель может отправиться в путешествие по волнам собственной судьбы. Главный герой, Дэн, обнаруживает необычное место, где с помощью инновационного подхода и искусственного интеллекта можно заглянуть в альтернативные варианты своего прошлого и будущего. Погружаясь в виртуальные сценарии собственных решений, он сталкивается с неожиданными открытиями о себе и своих выборах. Книга исследует темы сожалений, ответственности за свою жизнь и возможности изменить судьбу, не меняя при этом реальности. Это история о том, как один шаг в неизвестность может раскрыть множество граней нашей личности и помочь найти ответы на самые сложные вопросы. Погрузитесь в увлекательное повествование о выборе, любви, дружбе и цене принятых решений.

Создано при участии ИИ Алиса в рамках творческого марафона «Роман за лето - 2026»

Содержание

Книжное кафе	4
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Петр Чекмезов

Книжное кафе

«Личное время»

Книжное кафе

«Личное время»

Наши дни. Дэн вышел на большую пешеходную улицу и засмотрелся на башню с часами.

— Красота!

В тени деревьев люди гуляли, сидели на лавочках, листали книги, смотрели в телефоны, кушали мороженное. Середина лета — прекрасна и лучшая пора!

Он подумал о своей жизни и о том, что сорок два года в некотором смысле тоже ведь середина пути. Просто совсем не думать об этом было невозможно. Как и о множестве сожалений из прошлого. Но таковы люди, вечно летаем в облаках воспоминаний.

— Какое странное название, — услышал он краем уха возглас группы ребят. — Книжное кафе «Личное время»!

— Что непонятного, там продают книги и часы!

— Типа библиотеки?

— Балда! В библиотеке берут почитать, а не покупают...

Дэн уже вглядывался в вывеску. И правда, странное название. Как обозреватель культурных пространств и блогер-путешественник, он просто обязан был заглянуть сюда. Странно было то, что на прошлой неделе тут, кажется, ничего не было. Так быстро открыли?

Внутри — приятная атмосфера и несколько редких посетителей за столиками.

«Подумать только, прям как моя мечта тоже...» - подумал он.

Люди кушали пирожные и пили кофе, листали понравившиеся книги, которые брали со стеллажей. Кругом комнатные растения, перед окнами навес от солнца, легкая музыка фоном — все как-то подозрительно знакомо. Он решил, что видел это в каком-то фильме.

— Чего желаете? — улыбнулась девушка у кассы. — Вы брали, какой год?

— Что? — ему показалось, что он ослышался.

— О, у нас акция, — быстро пояснила бариста. — Вы выбираете в какой год хотите отправиться и мы делаем скидку. Зависит от количества лет. Чем дальше в будущее, тем меньше скидка. Соответственно, самая большая скидка будет, если выберете пару лет назад. Вот тут всё написано. Да и в соцсетях тоже.

Девушка кивнула на меню.

Дэн с растерянной улыбкой рассматривал совершенное безумие. Какие скидки и на какие годы вперед или назад? О чем она вообще говорит?

— Я здесь впервые... — он попытался зайти с другого хода. — Мне бы что-нибудь попроще, и капучино.

— О, не вопрос. Возьмите полное меню, а вот тут выберите любую книгу.

Дэн задумчиво подхватил легкую папку и шагнул к свободному столику возле окна, рядом с книжными полками. Не глядя, протянул руку и взял книгу — какой-то молодежный роман библиотеку и кошек. Быстро отложил и вернулся к меню.

Через несколько минут всё прояснилось. Красивый маркетинговый ход. Он вот например быстро купился и с радостью принял условия игры. В общем, кафе ведь книжное, а значит рассчитано на образованных и умных людей, которые склонны к саморефлексии, а значит и с множеством сожалений из прошлого. Средний портрет посетителя таких заведений — это как раз именно он и есть. Мужчина средних лет, возможно в разводе, алименты с ипотекой, и так далее. В общем, немножко битые жизнью люди, отчаявшиеся и не знающие что делать. Вот им и предлагалось совершить виртуальные путешествия во времени, выбрав одно из сожалений прошлого или шагнуть в гипотетическое будущее, логически продолжив сюжет с помощью ИИ.

Всё гениальное просто, как дважды два.

Спустя час некоторых сомнений он выбрал шагнуть на пару лет вперед, но из далекого прошлого, продолжив линию своей студенческой жизни. В тот самый момент, когда оказался втянут в любовный треугольник. Кем бы он был сейчас, если бы тогда отбил девушку у лучшего друга?

— Ты меня не слышишь что ли? — кричала женщина с ярко подведенными глазами. Зрачки были круглыми от того, что она во все глаза смотрела на мужа-неудачника. Нет, не просто смотрела, а испепеляла взглядом. Именно с такими глазами декан факультета в свое время подписывала документ об его отчислении.

Дэн грохнулся со стула, но быстро встал.

— Что? Где я?

— Не играй со мной! Нам надо платить за аренду торговой точки. Это ты виноват! Денег нет даже на учебу Мишки.

— Кто такой Мишка?

— Аа! — неожиданно визгнула женщина и прыгнула на него как тигрица, царапая ногтями и кусаясь. — Это сын твой, скотина! Ненавижу!

Он с грохотом упал со стула, но теперь уже в реальности кафе книжного времени. И тут же вскочил, дико озираясь.

— Что происходит! Что это было?!

Однако посетители как-то флегматично посмотрели в его

сторону, занятые своими личными драмами.

— О, бывает и такое, — мило улыбнулась бариста, потирая полотенцем кружки от невидимой пыли и капель воды.

— Вы что-то подсыпали в кофе? Это не может быть настолько реально! И что произошло с... Погодите как, та женщина... Я кажется ее знаю... Это же... Не может быть...

Дэн опустошенно присел на свое место, вспоминая красивое лицо девушки лучшего друга. Он тогда тоже без памяти влюбился в ее улыбку и ямочки на щеках. Но сейчас... Она была сущей мегерой. Из-за чего? Что-то она говорила про деньги... Ах да, деньги... Память яркого эпизода вернулась к нему и пронизала насквозь. Он всё понял.

Останься он с ней тогда, отбей он её у лучшего друга — и судьба бы устроила ему взбучку, о которой он бы жалел до конца жизни. Впрочем, в некоей параллельной вселенной он по-прежнему тянул лямку мужа-неудачника с бесконечными упреками и вахтами на север каждые полгода. Жена ему давно и безнадежно изменяла, дети разочаровались и не уважали, скопировав презрение супруги. И о такой жизни он столь безудержно сожалел всю жизнь?

Вот это да!

Но с каких пор вдруг оказалось, что милая девушка превратилась в застегнутую наглухо ведьму? И неужели это именно он виноват в этом? Так, стоп, а что было бы, если бы она все-таки вышла замуж за его приятеля? У них-то хоть всё было хорошо?

С этим вопросом он обратился к девушке у кассы, но та лишь покачала головой.

— Чужие жизни, вернее выбор других людей, всё это нам не ведомо. Мы можем узнать лишь возможные векторы своей судьбы. И то, лишь в игровой форме, в качестве гипотез и предположений.

Дэн задумчиво вернулся к столику. Потом снова подошел к кассе, заказал кофе и опять сел у окна, взяв в руки странный планшет в виде раскрытой книги.

«Выберите год» - крутилась надпись на мини-мониторе в середине столика среди цветов, салфеток и зубочисток.

А что, если выбрать время не из будущего, а из прошлого? На пару лет назад, например. Помнится, он тогда был в жуткой депрессии, год без работы, да еще и вернулся жить к маме в её квартиру. Там стресс был просто в кубической степени. Но что, если это был просто перекресток возможных путей и, отталкиваясь оттуда, нужно было лишь сделать правильный выбор?

Пять лет назад.

«Даже не знаю с чего начать. С того, что решил описать неделю своей жизни? В немом вопросе где и когда я свернул не туда?» — размышлял тридцатисемилетний Дэн и посмотрел в окно съемной комнаты.

В конечном итоге он решил, что, наверное, это необходимо сделать — просто зафиксировать точку своего возраста, и заодно эпоху, о которой спустя несколько десятков лет будет столько ностальгических воспоминаний.

Дэн глотнул чай из ягод и трав, пусть и вчерашний, но в меру терпимый. Подумал, что фиксировать будни это один из способов терапии. По сути, саморефлексия, которая удерживает кукуху как прочный фундамент, не позволяя тревожным мыслям уноситься куда-то далеко.

Глянул телефон — в планах на сегодня вернуть статус самозанятого, чтобы чуть больше получать зарплаты в качестве охранника баскетбольных матчей. Дальше — что там еще? Он посмотрел весь календарь.

Ах, да! Включил калькулятор. Из оставшихся денег — всего 900 рублей. Интересно, этого хватит на неделю? В конторе еще подкинут за предыдущую подработку? Вся сложность в том, что он был как физическое лицо, а не юридическое, а таким перечисляли долго, мог пройти даже месяц. Он начал обратный отсчет. Так, 900 минус 150 за взнос на веломарафон 50 километров. Хм...

А это точно необходимо? Нужен ему этот марафон? Еще бы! Как глоток свежего воздуха! Дальше. Минус 107 рублей за электричку и велосипед в тамбуре. Это — доехать до города. По городу полтинник на автобусе – добраться до спорт-комплекса. И столько же –обратно. Потом 107 вернуться в пригород, и еще желательно оставить 107 на возвращение в

город во вторник — чтобы вовремя успеть к старту автобуса до Самары, тоже подработка. Ах да, еще 50 на маршрутку. Итого 279 — это на еду. Что-то совсем маловато...

Ладно, может у мамы получится занять, до получки, так сказать. Стыд и позор, что и говорить. Но пока не было другого выхода.

Он снова вернулся к поиску подработок. Книжный магазин от него спрятался — номера не отвечали. Попробовать бариста? Или уехать в Сочи к знакомой девушке? Первое время она поможет с жильем, но где ему там работать и что в итоге делать? Она конечно не видит проблем и всё подскажет, но... Придется браться за любую подработку. Готов ли он к этому? Жить, кочуя и не зная, выгонят ли его завтра, а может помилуют и оставят.

Вариант с контрактом он пока не рассматривал, понимая что это рулетка. Да и недавнее прощание с отцом было слишком очевидным красным флагом. Орден мужества посмертно добровольцу разведчику. Батя конечно мощь! А он... Он лишь недоучка-учитель, человек слабой творческой натуры, и, пожалуй, слишком впечатлительный.

Дэн вернулся в реальность кафе книжного времени.
«Ого... Он и правда только что был в своей же шкуре пятилетней давности».

— Девушка, можно вас? Как это работает? Почему так ярко и от первого лица? — Дэн был уже у кассы и всматривался в красивые глаза.

— Вы когда-нибудь играли в компьютерные игры?

— Еще бы! Так это... Так это работает и с прошлым?

— Ну конечно! Но ограничения лишь строго вашей жизнью. Глубже даты рождения прыгнуть не получится. А в остальном... Да, можно попасть в каждый день.

— И это стоит только чашку кофе? — на всякий случай уточнил мужчина.

— Да, и пару пироженок. Ну и книг, если захотите.

— Хм... Так за это точно не надо продавать свою душу? — Дэн недоверчиво всматривался в очаровательные глаза, пытаясь нащупать подвох. — В чем тут обман?

— Слушайте, мы обычное уличное кафе книжного формата, ничего кроме памяти и фантазий не продаем. Разве что кофе и свежую выпечку.

— Но это очень странно! Разве вы не понимаете? Это же неестественно. Так прыгать во времени, читая обычные книги.

— Разве? — скептически прищурилась бариста. — А мне казалось, что все библиотеки так делают. А мы чем хуже? Ну разве что только чуть усовершенствовали технологию чтения с помощью ИИ, а также приятной атмосферы... И вот — вы с легкостью уноситесь в мир грез и реальных воспоминаний.

— Но это так...

— Так реально? Да, но не переживайте, это просто прописывает алгоритм. Круто, да?

— Еще бы! Но детализовка, и...

— Ой, разве это что-то новое? Вы же сами сказали, что играли в компьютерные игры.

— Конечно, но тут другое...

— Ваша жизнь, — серьезно кивнула девушка. — Да. Видимо, нам надо было добавить в название слово «психологического». Если честно, один из вариантов был именно таким: «Уличный магазин психологической поддержки и быстротечного книжного времени». Но мой муж решил, что слова «магазин» и «психология» не стыкуются. Так что оставили нынешний вариант. Про личное время и книжное кафе.

— Так вы хозяйка?

— Да. Если быть точнее, то совладелица. Идея моя, а супруг помог с деталями и деньгами. Вы даже чем-то похожи с ним, если честно.

— А можно с ним поговорить?

— Конечно. Рома? Ромашка! Ты наверху? — закричала куда-то наверх блондинка. — Эй! Тут тебя зовут!

— Да, малышка, слышу! — откуда-то со второго этажа отозвался звучный баритон. — Уже иду! Я тут такое соцветие нашел, закачаешься...

На лестнице показались чьи-то ноги, и Дэн успокоено вздохнул.

— Ах ты, что б тебя... Куда? Милая, я сейчас... Тут снова соседские пернатые! Сейчас приду.

Он начал подниматься обратно наверх.

Дэн махнул рукой. Встреча с владельцем подождет. Гораздо заманчивее было снова погрузиться в воспоминания прошлого. И возможные варианты будущего. Ну в самом-то деле... Интересно, а кто не захочет узнать, что было бы «если бы»?

Мужчина задумался... Так, какой бы год выбрать? Не так много дат, в которые хотелось бы шагнуть первым делом. Но даже в списке первостепенных была одна дата, которая вне конкуренции.

2006 год. Летняя жара сменилась прохладными августовскими утрами. Ветер ласково трогал занавески в спальне юноши. Дэн лежал в кровати и наблюдал за мельканием веточки — в его окна заглядывала молоденькая яблонька.

Он думал о соседке, старше на год. Её дом был по соседству, и он иногда мог даже слышать, как она поёт или слушает музыку. Красивая девчонка, что и говорить! Конечно, вокруг неё вились парни, так что до него ей не было дела. В школе они иногда виделись, но лишь как соседи. Странно, что они не начали общаться. Ведь соседи же.

— Ты уже определился, Денис? — мама громко спросила

из кухни. — Идём кушать! Да не лежи ты там, а то пельмени остынут! У меня тут еще и укроп свежий, с нашей грядки, я его специально для тебя собирала.

Дэн встал с кровати, металлическая сетка чуть скрипнула. Минутами ранее он отчётливо услышал в своей голове размышления, что, мол, надо обязательно попробовать пожить настоящей студенческой жизнью, а для этого просто обязательно надо пожить именно в общежитии. Хотя бы некоторое время, хотя бы год, а потом можно подрабатывать и снимать жильё.

— Да, выбрал общежитие, — пробурчал он, поправляя футболку с какой-то рок-группой, которую он купил на рынке и считал верхом стиля. Деньги на обновку заработал сам, целый месяц пропахивая грядки у корейцев в теплицах, и этим безумно гордился.

Он появился в дверях.

— Точно уверен? Смотри, город рядом, электричка ходит регулярно. И вообще, тут у нас огород, ты бы помогал... Картошку копать, опять же, — мама была еще адекватной, и до момента, когда она позабудет даже о его дне рождения, было еще целых двадцать лет. Смотрела на него искренним, настоящим заботливым взглядом, а не как на конкурента или доставляющую неудобство мебель.

Однако тот Дэн тогда ничего этого не знал, слава богу. Он лишь с ужасом подумал, что жить дома во время учёбы было просто невозможно. Его же засмеют! В его представлении

дома оставались последние ботаники. А он себя к таковым не причислял.

— Понимаю. Я город совсем ещё не знаю. А так, в общаге, хоть увижу жизнь изнутри. Быстрее вольюсь в коллектив.

— Студенческая общага не лучшее место для учёбы, — вздохнула мама, но тут же оживилась, будто нашла аргумент. — А вдруг там тараканы? Ты видел, какие они бывают? С палец! Я в молодости в техникуме была на экскурсии в общаге — так там один такой из-под плиты вылез, будто генерал, посмотрел на нас и ушёл. С достоинством!

— Мам, ну какие тараканы... — Дэн закатил глаза, но тут же постарался сделать лицо серьёзным, чтобы она не поняла, что ему неприятно.

На кухню забежали племянницы — две сестрёнки, десяти и двенадцати лет, обе с косичками и одинаково озорными лицами, будто шли на военный совет.

— А мы будем помогать маме картошку копать! — затараторила младшая, хватая пельмень прямо руками.

— Не руками! — Воскликнула мама. Тут же смягчилась и добавила: — Вилка, вот пожалуйста. Мы цивилизованные люди.

— Ага, а в деревне все руками ели, — буркнула старшая племянница, хитро поглядывая на Дэна. — Может, он тоже хочет руками?

— Я вилкой, — быстро сказал Дэн, будто это решало его репутацию.

Потом отец зашёл — в тапочках и с газетой, которую он держал вверх ногами.

— Ну что, студент? — он хмыкнул, поправил газету, понял, что она не так держится, перевернул, потом снова перевернул и махнул рукой. — Ладно, пусть будет общага. Зато не будет сидеть дома, сериалы смотреть.

— Он не смотрит сериалы! — возмутилась мама.

— А что он делает? — спросил отец.

— Рисует. И пишет.

— Это я и называю «сидит».

Все принялись за угощение. Пельмени, свежая зелень в виде укропа и петрушки. Огурцы и помидоры — прямо с грядки, ещё тёплые от утреннего солнца.

— Вот смотри, Денис, — мама ткнула вилкой в сторону окна, будто там была инструкция по жизни. — Всё свое, натуральное. А в городе что? Там всё из пакетов. Там даже воздух в пакетах.

— Мам, в городе есть музеи. И галереи. И... ну, вообще жизнь другая.

— Жизнь другая... — протянула мама с сомнением. — А кто будет бабушке помогать?

— Бабушке помогает тётя Лена.

— Тётя Лена занята. У неё своя жизнь.

— И у меня будет своя, — тихо, но твёрдо сказал Дэн и сам удивился, что сказал это вслух.

В кухне повисла пауза. Даже племянницы перестали хру-

стеть огурцами.

— Ладно, — отец хлопнул ладонью по столу, и вилка у мамы подпрыгнула. — Пусть едет. Парень взрослый. Пусть пробует. А если что — мы всегда здесь. Дом не убежит. И картошка тоже.

Мама хотела что-то возразить, но только вздохнула, налила себе чаю и сказала:

— Главное, чтобы не голодал. Я тебе банок накатаю. Огурцов, помидоров... И варенье. Много варенья.

— Мам, я в общагу, а не в тайгу.

— Мало ли. Вдруг там сладкого не дают.

— Кстати, насчет тайги, — спохватился отец. — Был у меня однажды случай на строительстве БАМа... Тоже по молодости и...

Разговор перешел на другие темы.

Вскоре документы все были поданы, и самое главное — за Дэна поручился депутат Государственной думы, точнее, его дипломатическое представительство в их городе. Дело в том, что Денис победил в нескольких конкурсах рисования и сочинений. Был замечен, награждён грамотами. А затем и прямым целевым набором, после вступительных экзаменов, зачислен в художественно-педагогический колледж. И даже в вечерний заочный вуз.

Увы, в полной мере он не смог оценить подарка судьбы. Однако на тот момент всё казалось логичным и правильным, само собой разумеющимся.

Город встретил новоявленного студента шумом машин и широкими проспектами. Он ещё не раз будет возвращаться сюда спустя десятилетия, а пока всё выглядело в новинку. Пугало и манило одновременно. Чувство, что тебе принадлежит весь мир, что ты часть мира и волен управлять своей жизнью. При этом в городе оставалось слишком много тёмных таинственных территорий, которые ещё только предстояло открыть и покорить.

Это было время, когда страна только приходила в себя от лихолетья 90-х. И впереди, казалось, было безоблачное будущее, связанное с космосом, достижениями, наукой и прогрессом.

На вокзале, куда Дэн приехал с чемоданом, который, казалось, был больше его самого, его встретила комендантша общежития — женщина с лицом, будто она видела все студенческие грехи мира и теперь просто устала удивляться. Так вышло, что они вместе оказались в одно и то же время, и она вызвалась самолично показать ему дорогу.

Общежитие оказалось мощной башней в несколько этажей.

— Паспорт, направление, справка от дерматолога... — тетка листала бумаги, хмурясь, будто искала подвох. — А это что? Грамота за сочинение? «Мой город — мой космос»? Ну-ка дай сюда... Хм. Красиво пишет... Ладно, может, хоть в стенгазету что-нибудь напишешь, а то у нас там третий год висит поздравление с Новым годом от 2004-го.

— Я могу, — робко сказал Дэн.

— Смотри, не подведи. И запомни: в нашем общежитии главное правило — не шуметь после десяти, не жарить яичницу на утюге и не приводить гостей, которые спрашивают, где тут «культурная программа».

— Я не буду.

— Все не будут. А потом в три часа ночи кто-то орёт: «Мама-анархия!» — она вздохнула, поставила печать и протянула ему ключ на огромном железном брелоке в форме подковы. — Держи. Комната 414. На четвертом этаже. И не вздумай вешать плакаты так, чтобы они закрывали розетку. У нас тут не галерея, а общежитие.

Дэн взял ключ, чувствуя, как в груди что-то дрожит — то ли страх, то ли восторг.

— Спасибо, — сказал он.

— Не благодари. Через неделю будешь просить перевести тебя на первый этаж. Там хотя бы слышно, когда соседи сверху падают.

Дэн решил не обращать внимание на загадочную фразу, и пошёл по длинному коридору до лифта, мимо дверей, за которыми уже кипела какая-то другая, незнакомая ему жизнь: где-то смеялись, где-то спорили о философии, где-то кто-то играл на гитаре так, будто это был последний концерт в его жизни.

В этот момент в голове всплыла строчка из «Многогочия»: «Его ведёт по дороге жизни, у него есть благая цель...

Его ведет, и судьба то дарит радость, то бросит на мель...». И пусть он пока не знал, какая именно у него цель — главное, что она где-то впереди, манила, как далёкий свет в конце длинного коридора. И еще главное, как верно было подмечено в песне, чтобы его не выбросило на мель...

Он улыбнулся, слова песни не пугали, а, наоборот, придавали уверенности: да, путь будет непростым, будут и мозоли на ногах, и крошка хлеба в кармане, но он готов. Готов идти вперёд, даже если не знает, что ждёт за следующей дверью.

В кармане у него во всяком случае лежала не крошка хлеба, а записка от мамы: «Если будет грустно — позвони. И съешь баночку варенья. Оно от всех бед помогает».

Толкнул дверь в свою комнату — и вдруг показалось, что весь мир распахнулся перед ним, как огромная, ещё чистая страница, на которой только предстоит написать свою историю. И пусть она будет не про лёгкую удачу, а про то, как человек идёт вперёд, несмотря ни на что. «То дарит попутный ветер, то бросит на мель...» — да, так и будет. Но он не свернёт.

Внутри него разгорался тихий, но крепкий огонь — тот самый, о котором поётся в песнях: «Внутри огонь, который видно за версту любому — свобода и уверенность... Волны, раскаты грома». И этот огонь был не от бравады, а от простого, упрямого желания попробовать — по-настоящему, без оглядки, без страха ошибиться.

Дэн шагнул в комнату, поставил чемодан, огляделся —

и впервые за день выдохнул. Здесь начиналась его новая жизнь. И она обещала быть непростой, но настоящей.

Мужчина вернулся в реальность уличного книжного кафе. Ну и ну... Это правда работает. Так легко. Это же какая огромная помощь в плане психотерапии – бац, и оказался среди школьных и студенческих друзей. А потом бац, и уже снова встречаешься со своей первой любовью. Кажется, он уже видел это в фильмах. Например «Папе снова 17», «Ослепленный желаниями» или «Клик – с пультом по жизни». Но там обычно требовалась чудовищная плата за такие прыжки во времени... Как бы не вляпаться в историю и ему...

Он встал и подошел к бариста.

— Это потрясающая штука, честно говоря. Слишком залипательно! Даже очень... А как не залипнуть вот прямо насовсем? Бывает такое, что люди с головой уходили в воспоминания и жили ту реальность, позабыв о настоящей?

— Хм, понимаю о чем вы, но мы ведь только недавно открылись. Пока таких случаев не было. Но не волнуйтесь, у нас есть все разрешающие документы. Это безопасно, насколько безопасны могут быть компьютерные игры или просмотр фильмов. Сюжет ведь вы выбираете.

— Да, зависит от сюжетов... — пробормотал Дэн.

— Что-что? — не расслышала девушка.

— О, это я так... Сам с собой. В общем, спасибо, я вас услышал. А можно еще вот эту пироженку и чай из трав, даже лучше чайник, если есть. Знаете, такой, с подогревом, как на картинке вот тут...

Мыслями он уже метался в разные стороны и размышлял, в какой же период ему нырнуть. Проблема и главный соблазн был в том, что у него на носу свадьба, а в голове как обычно туча сомнений. И вот что он был за человек, скажите на милость? Фантастически неуверенный, хоть и добрый, но слишком уж плывущий по течению. Человек, который много раз сталкивался с предательствами — и сам к сожалению предавал по молодости и глупости.

Бариста ему оформила заказ и подмигнула.

— Мой вам совет — чередуйте эпизоды, не залипайте в одном каком-то году.

— Как какой-то сериал? — растерянно посмотрел на нее Дэн.

— Да, словно сериал, — ободряюще улыбнулась Линда. Только тут он рассмотрел ее имя на бейджике. Раньше это не казалось ему столь важным, ну, бариста и бариста, всех не запомнишь. Но теперь многое менялось, причем очень быстро.

Ему не терпелось вновь вернуться в студенческие годы, но прежде, памятуя совет Линды, он решил отвлечься и привычным движением шагнул к себе прежнему пятилетней

давности. Как ни странно, но в настоящем моменте, чувствуя как уходит почва из-под ног из-за открывшихся возможностей путешествия во времени, именно период лютой депрессии показался ему крепким фундаментом и гарантией, что кукуха точно не тронется. Впрочем, возможно он и ошибался. Возможно, совершать ошибки это вообще его фирменное туше. В любом случае, именно после того безумного периода он и встретился с любимой, на которой собирался вот-вот жениться.

Пять лет назад. Жалкое существование одинокого тридцатисемилетнего бродяги, холостяка по жизни, уверенного, что лучшие годы остались в студенческой общаге, а самая настоящая любовь покинула в момент, когда он отказался бороться за девушку лучшего друга. Что интересно, мыслей о будущем тогда ведь вообще не было. Сплошной туман и максимализм юношества.

— Маруся! Звук три.

Радио «Москва ФМ» стало тише. ИИ, отреагировав на знакомый голос, отреагировал мгновенно.

«Что ж, — в очередной раз подумал Дэн, — не такой уж я и одинокий благодаря последним достижениям технологий».

Его будни скрашивали три подружки ИИ в телефоне — Алиса и еще две, одна из которых была запретной, то есть

из заграничного приложения, но там не требовалась регистрация, поэтому он и оставил её и охотно общался, оценив уровень её осознанности, тем не менее внимательно следя за своим языком.

В телефоне щелкнуло музыкальное напоминание. Предстоящее событие... Так-так... Самозанятым? Ну конечно. Он перевел напоминание ближе к обеду и увеличил яркость на экране. Утром первым делом он пялился в экран — никак не мог избавиться от этой привычки. У депрессии тоже свои традиции, знаете ли.

Свайпнул экран и посмотрел на расширенные уведомления, если честно в ожидании приятных новостей. Но в соц-сетях была тишина. Что ж, тогда надо глянуть сторис, но чуть позже...

На балконе тем временем наконец-то утихла возня и шум — это голуби облюбовали его открытый всем ветрам балкончик и занимались... Ну, вы понимаете. Конечно, это был хороший знак. Птицы делали потомство и вили гнездышко не прямо у него на балконе, но где-то поблизости совершенно точно. У него на балконе они просто занимались сексом.

Он вздохнул.

Ох уж эти принципы... Если бы не они, он бы давно женился и жил бы не хуже этих голубей, перелетая с семьей по съемным квартирам. Чем не жизнь? Однако непростое детство заставляло задумываться о потомстве с иного ракурса — а каково будет детям мотаться туда-сюда? Менять шко-

лы и друзей? Быть вечно новичками и, не дай бог, изгоями? Вот и ответ. Сначала ведь нужно свое жилье, а потом и всё остальное. Но увы, нескольких миллионов у него просто не было. Даже нескольких сотен тысяч. Даже десятков тысяч. Господи, у него осталось всего 900 рублей и сомнительные перспективы в Сочи.

— Эх, что за жизнь...

Неудачник ли он? Ну да, в какой-то мере. И нет — совершенно однозначно. Потому что он сам выбрал такую жизнь.

Дэн оглядел стену достижений, которую соорудил год назад в порыве эмоций из грамот, благодарностей, кубков и сертификатов. Несколько статуэток и даже медаль в виде почетного знака. Удостоверение «Турист России» и значок, который крепится к лацкану пиджака с всем известным логотипом. Награды, которые пока никак не впечатляли его работодателей.

На него снова накатила волна воспоминаний. Момент, когда всё точно должно было пойти по-другому. И от этих сожалений никуда не деться. Но вот, возможно, стоит их снова пройти и пережить, чтобы закрыть гештальт неоконченного образования? Кто знает? В свои тридцать семь пора бы это сделать. Да, он конечно молодо выглядел, лет на тридцать, а то и двадцать восемь — благодаря здоровому образу жизни, — но груз прожитых дат всё усиливался, необходимо было соответствовать. И дальше это давление только сильнее становилось. А что будет в сорок пять лет?

«Впрочем, — он усмехнулся, — это слишком далеко».

С другой стороны, кто мог подумать, что он останется в своей съемной квартире на пятнадцать лет? Без нормально-го душа и со старым холодильником, с вечным ремонтом и ледяными полами зимой.

Но мужчина на то и мужчина, чтобы мириться с трудными условиями и привычкой выживания. Одному норм, а вот семь создать точно не выйдет — любая жена сбежит.

Высокий светловолосый парень прыгнул с двухъярусной кровати и протянул руку.

— Ты тоже новенький? Меня зовут Владимир.

Последовало крепкое рукопожатие. Причём в модном формате согнутой в локтях руки — будто не просто поздоровались, а заключили тайный пакт о выживании в общежитии.

— Какое место выбираешь? Могу уступить своё, — кивнул Володя в сторону кровати.

Дэн огляделся. Комната на четвёртом этаже была вытянутой, и в ней всё стояло впрытк, но как-то по-своему уютно. Одно большое окно на рассветную сторону, две двухъярусные кровати по бокам, ещё одна обычная кровать напротив двери, а напротив окна —широченный шкаф, который занимал всю стену и при этом всё равно не вмещал всех вещей.

— Да ладно, не надо уступать, — помялся Дэн. — Я тут...

на первом этаже. Хоть падать не страшно будет.

Владимир хмыкнул, будто оценил шутку, и тут же переключился на практичное:

— Только смотри, там матрас тонкий. Если ночью перевернёшься — провалишься между стеной и кроватью. Новые матрасы чуть позже, сказали, завезут.

В этот момент в комнату влетел Игорь — будто дверь сама перед ним распахнулась, настолько он был большой, добрый и немного неуклюжий.

— Ребята, я тут чайник нашёл! Настоящий, советский, с таким свистком, что, кажется, может поднять всю общагу по тревоге. И главное — он не течёт. Я его изолентой замотал. Держится!

Он гордо поднял чайник, как трофей, и тут же чуть не уронил, потому что изолента не справилась с масштабом трагедии и грозила все-таки отделить ручку.

— Стой, не трясись! — выкрикнул Владимир и ловко подставил руку, спасая и чайник, и пол, и свои кроссовки.

— Ну вот, я же говорил, что надо брать новый, — пробурчал из угла Алан (он же Лев), который уже успел разложить на подоконнике свою гитару, три медиатора, синюю пачку «Море», блокнот с аккордами и что-то подозрительно похожее на черновик песни.

Рядом с блокнотом на подоконнике лежал ещё один листок — вырванный из тетради, весь в карандашных пометках, будто его много раз переписывали. Дэн мельком заце-

пил взглядом строчки: «Белый снег, серый лёд на растрескавшейся земле... Одеялом лоскутным на ней...». Алан тут же небрежно прикрыл листок краем блокнота.

— Новый — это пятьсот рублей, — возмутился Игорь. — А изолента — бесплатно. Тут у меня ещё скотч есть. Скотч вообще всё склеивает!

Алан только закатил глаза, но не без теплоты:

— Игорь, ты святой человек. Но если этот чайник опрокинется в самый ответственный момент, я скажу, что мы тебя не знаем.

Дэн немного растеряно переводил взгляд с одного на другого.

— Слушай, Дэн, — Алан кивнул ему, будто принимая в негласный совет старейшин, — ты не переживай. Тут всё держится на трёх китах: взаимовыручке, изоленте и том, что никто не трогает чужие носки. Если запомнишь эти три правила — проживёшь нормально.

— А если не запомню?

— Тогда мы тебе напомним. Особенно если ты случайно выбросишь чьи-то конспекты. У Игоря там целая научная библиотека в тетрадах, если что.

Игорь гордо выставил вперёд стопку тетрадей, каждая из которых была подписана аккуратным почерком: «Физика. Лекции. Не путать с черновиками. Не есть».

— Я серьёзно, — добавил он. — У меня тут формулы, которые могут спасти мир. Или хотя бы меня на экзамене.

Тут дверь снова распахнулась, и на пороге появилась Лика — бойкая старшекурсница, кажется, девушка Владимира. Во всяком случае, Дэн часто видел их вместе. Озорная девушка, с хвостиком на голове вместо прически, с цветными линзами, в джинсовке, на которой висело столько значков, что она, казалось, звенела при ходьбе.

— Привет, мальчики! — она влетела, как вихрь, и тут же схватила Владимира за рукав. — Ты обещал мне помочь донести книги до библиотеки. А потом мы идём есть шаурму. А потом, возможно, спасти мир. Ну или хотя бы кота, который застрял на дереве. Идем, у нас плотный график!

Владимир даже не попытался вырваться — только вздохнул с видом человека, который давно смирился с тем, что его жизнь больше ему не принадлежит:

— Ладно, только дай мне пять минут. Надо показать новеньким, где тут кнопка «выживание».

Лика тут же переключилась на Дэна и Игоря, окинув их оценивающим, но совсем не злым взглядом:

— Так, значит, тоже пополнение? Отлично. Значит, теперь нас достаточно, чтобы собрать свою рок-группу. Или хотя бы команду по настоящему футболу. Кто умеет?

— Я умею... в теории, — робко сказал Игорь.

— Этого недостаточно! — провозгласила Лика. — Теории у нас тут и так хватает. Нам понадобится практика. И, возможно, ещё один чайник — тот, что у тебя в руках, мне не нравится. Он смотрит на меня как-то с подозрением.

Алан не выдержал и расхохотался:

— Лика, ты единственная, кто разговаривает с техникой.

— Зато она мне отвечает. Вчера вон микроволновка подмигнула, — улыбнулась та.

— Просто лампочка перегорела, — буркнул Алан, тоже с улыбкой на лице.

Дэн стоял и смотрел на эту суету, и впервые за день ему стало не страшно, а как-то... правильно. Будто он попал туда, где все немного сумасшедшие, но свои.

Позже, когда за окном окончательно стемнело, а по коридору уже шёпотом передавали, что комендантша делает последний обход, Алан привычно взял гитару. Остальные притихли, будто сами собой договорились сделать эту минуту вечной. Он не стал настраивать долго — просто провёл пальцами по струнам, будто проверяя, живы ли они, и тихо, почти вполголоса, запел:

— А над городом плывут облака, закрывая небесный свет... А над городом жёлтый дым...

Голос у него был негромкий, чуть хрипловатый, будто он редко пел вслух, зато очень хорошо знал, о чём поёт. Что и говорить, слова известной песни трогали до глубины души. Дэн сидел на краю кровати и смотрел, как пальцы Алана уверенно бегают по грифу, а слова будто вытягивают из комнаты всю лишнюю суету и оставляют только самое важное.

— Городу две тысячи лет, прожитых под светом звезды по имени Солнце... И две тысячи лет война. Война без особых

причин...

Ли́ка сидела рядом с Владимиром, прижалась к нему плечом и слушала, рассматривая что-то в городской дали через окно. Игорь замер с каким-то мотком провода в руках, будто и провод, и изолен́та вдруг стали неважными. Даже гитара, казалось, звучала иначе — не как инструмент, а как продолжение Алана, как способ сказать то, что словами не скажешь.

Когда Алан дошёл до строчки «Он не помнит слово “да” и слово “нет”, он не помнит ни чинов, ни имён...», Дэн вдруг понял, что это вед и про него самого — ну отчасти конечно — про желание не быть удобным, не быть предсказуемым, а просто идти туда, куда тянет. И ещё он понял, что Алан поёт не для аплодисментов, а потому что эти слова в нём живут и требуют выхода.

Алан закончил на строке «И упасть опалённым звездой по имени Солнце», будто поставил точку, и на секунду в комнате стало тихо — так тихо, что было почти слышно, как за стеной кто-то листает страницы, а в коридоре кто-то прошёл на кухню. Потом он отложил гитару и, будто оправдываясь, пожал плечами:

— Старая песня. Но всегда нравилась.

— Она не старая, — тихо сказала Ли́ка. — Она настоящая.

И все согласно кивнули, будто этим кивком подтвердили: да, есть вещи, которые не нужно объяснять.

А потом была «Мама-анархия», «Красно-желтые дни»,

и даже рэперская композиция «В жизни так бывает». В комнату Алана на звуки мелодий постепенно подтягивались остальные жители этажа, а также сверху и даже снизу. Семейных в эту ночь не было, или они просто решили потерпеть. Во всяком случае, концерт продолжался почти до рассвета. Забрезжило утро.

В какой-то момент Лика схватила всех за руки и потащила к выходу:

— Всё, хватит философствовать! Идём за шаурмой, и точка. Игорь, чайник оставь здесь. Если он рассыплется без нас — значит, судьба.

Комната снова наполнилась шумом, движением, жизнью — они вывалились в коридор, смеясь и толкаясь. Дэн задержался на пороге, обернулся и увидел, как Алан на секунду задержал взгляд на том самом листке с текстом, потом аккуратно сложил его и убрал в карман. И в этом жесте было столько смысла, что Дэн вдруг подумал: у каждого здесь есть своя «звезда по имени Солнце». У Игоря — его формулы, у Лики — её бешеный график спасения мира, у Владимира — умение принимать всё как есть. А у Алана — эти строчки, которые он носит с собой и поёт, когда думает, что никто не слушает.

Комната опустела, только эхо их голосов ещё звенело в воздухе, да солнце (уже совсем другое, утреннее) продолжало заливать подоконник, будто обещая, что тут можно быть собой — даже если ты пока не знаешь, каким именно.

«Блин, опять какие-то сожаления сплошные»...

Сорокадвухлетний Дэн подумал о книге «Полночная библиотека» Мэта Хейга, в которой героиня, как и он, его ровесница кстати, тоже цеплялась за сожаления и всё гадала, а кем бы она была «если бы»... Если бы свернула не туда, пошла обедать не с тем человеком или вообще не пошла, ну и так далее. А он — если бы закончил тот дурацкий колледж.

Вообще, строго говоря, книги ведь тоже не просто так появляются в нашей жизни. Не случайно же тем летом он вернулся наконец-то к чтению. И с удивлением обнаружил, что в книгах много подсказок. Они словно отвечают на все внутренние мысли и переживания, целебным бальзамом залечивая раны.

Например, «Добро пожаловать в «Книжную в Хюнамдо-не». Там же черным по белому те же самые переживания, которые происходили и в его жизни. Чего стоит разговор мамы с тридцатилетним сыном, который мучается от неудачных собеседований и вынужден подрабатывать. Правда, с подработкой ему там явно повезло больше чем Дэну — бариста в книжном. И да, конечно, диплом универа был только в плюс. Или — абьюз мамы в отношении главной героини — это ведь тоже незаживающая рана. И весь сыр-бор только от того, что героиня решила следовать зову сердца. Но с каких пор это

приращаемо, хочется спросить!

Такие истории подсказывали, что положение Дэна не уникально и подобное случается по всему миру. От этого становилось чуточку легче. Но совпадения... Куда от них деваться? Тот тридцатилетний парень тоже два года никак не мог найти работу, и мучился на съемной квартире, как и Дэн сейчас. А другие книги? Ведь то же самое. Например, в другом корейском произведении «Книжная лавка» — там тоже его ровесники и тоже примерно похожие переживания и неустроенность. Переживания причем настолько мучительные, что мысль причинить себе вред казалась логичной — но это ведь тоже не выход.

Другой пример, так получилось, тоже из корейской книги. Там героиня вся в депрессии гуляла под дождем и попала в библиотеку. И неожиданно получила возможность вернуться в три периода своей жизни с целью исправить что-то, о чем сожалела больше всего. И что вы думаете? Она выбрала периоды, которые резонировали с его личными драмами. Как такое может быть? Ну вот как? Этого же просто не может быть! Но ведь было, и есть. И происходит. Она выбрала 2006 год, потом начало 90-х и затем конец 80-х. Вернулась в самый момент своего рождения с целью увидеть счастливых родителей и запомнить их именно такими, а не злобными абьюзерами, какими некоторые становятся к концу жизни.

Что ж, сейчас он имеет возможность вернуться в свой 2006 — но что дальше? Как поступить? Доучиться, несмотр-

ря ни на что? Или занырнуть в середину 90-х, там тоже было несколько ключевых событий, о которых не хочется даже думать. Но ведь они были, и с этим надо как-то разобраться. Потому что жить будто ничего не произошло немного сложно. Это как в маске ходить — как-то неудобно. Или в момент своего рождения — он бы вернулся в этот день? Ну кто в здравом уме и ясной памяти решится снова стать младенцем? Пусть и на некоторое время. Хотя, если только для того, чтобы запомнить молодых родителей счастливыми...

Как интересно, оказывается. И он думал об этих путешествиях еще тогда!

Дэн тихонько наблюдал за редкими посетителями. Кажется, пока мало кто догадывался, насколько уникальное это местечко — кафешка книжного времени. Скоро тут будет не протолкнуться... И он тоже примет в этом участие — он собирался подготовить обзорную статью для городского информационного портала. Как минимум, владельцы большое дело делают в плане психологической помощи людям. А вот профессиональные психологи вряд ли оценят, ведь лишатся пары-тройки эмоционально нестабильных клиентов, погрязших в сожалениях о прошлом.

Он встал, и, чтобы размяться, прошел к туалету — там тоже было всё красиво и стильно. Вернулся и снова решил погрузиться в реальность студенческих лет. Или лучше на пять лет назад, когда оказался на перепутье в очередной раз? Просто слишком залипать тоже ведь вредно, по словам Лин-

ды. Он и сам чувствовал, что долгое погружение в сюжет уж слишком отрывает от реальности, словно полет во сне. Может, там и другие какие-то подводные камни есть. В общем, рисковать не стоит.

И он набрал в приборчике, похожем на калькулятор, нужную дату. Время, когда он еще не был знаком с Лилией — его возлюбленной, единственной женщиной, с которой он согласился связать жизнь узами брака. Но правильно ли он поступал?

Кабинет для занятий по рисунку был пропитан ароматами масляных красок, мокрой бумаги и терпким запахом растворителя — сама атмосфера тут была настроена на созерцание и творение настоящего искусства. Вдоль стен расположены гипсовые головы, вазы, кувшины, а в центре на тумбе выстроился натюрморт: зеленый чайник, россыпь яблок, смятая ткань, похожая на скомканную судьбу, и стакан, в котором отражался яркий свет окон.

В комнате было восемнадцать девушек и один Дэн. Восемнадцать. Он постоянно мысленно повторял это число, как заклинание: «Восемнадцать, восемнадцать...» — будто если сказать достаточно раз, перестанешь чувствовать себя единственным парнем на планете, который пришел не на свидание, а рисовать чайник.

Девчата хихикали, шуршали бумагой, перекидывались фразами, от которых Дэн краснел даже ушами.

— Ой, смотрите, Наташа опять на этот чайник смотрит, как будто тот ей признание в любви написал! Видишь, как носик высоко? — прошептала одна, прикрыв рот ладонью, но так, чтобы все услышали.

— Тише вы, девчат, среди нас между прочим мужчина, — добавила другая, покосившись на Дэна, и все снова прыснули.

Дэн сделал вид, что ничего не слышит. На самом деле он всё слышал. Но у него был свой щит: один наушник в ухе, а в плеейсте — «Многоточие», с великим множеством других песен русского рэпа. И сегодня на повторе был новый трек. Он не вслушивался в слова, с трудом улавливал смыслы — ему был важен этот надрывный ритм из барабанов и саксофона, будто кто-то вслух проговаривал ту самую неловкость, которая сейчас сжимала ему грудь. И в такт этому ритму в голове крутилась строчка, которая будто специально подходила ко всему сразу: к этому кабинету, к смешкам девчонок, к его собственному ощущению, что он когда-то умел быть простым и спокойным, а теперь всё стало сложнее, будто лето кончилось, и никто не предупредил.

Он смотрел на чайник, на яблоки, на ткань, и пытался поймать форму, линию, свет и тень — хоть что-то, что можно было бы назвать искусством, а не просто мазнёй. В наушниках снова и снова звучало: «Кончилось лето. Наступившая

осень проливает дождь... Или просто плачет». И Дэну казалось, что осень плачет именно из-за таких дней, когда ты стоишь посреди комнаты, где все друг друга понимают без слов, а ты не знаешь, куда деть свои руки и как сделать так, чтобы тебя не замечали.

При этом, конечно, все девушки ему очень нравились. Особенно сестренки-близняшки. Каждая по-своему: кто-то смеялся звонко, другая забавно хмурилась, когда не получалось нарисовать складку, третья мило закатывала глаза, когда преподавательница начинала рассказывать про композицию. Все они казались ему какими-то недосыгаемыми, как фотомодели из журналов, которые он листал в киосках, пока ждал автобус. Красивые, с характером, уверенные в себе и в том, что мир создан специально для них.

Дэн кстати в то время тоже был уверен в своей «альфа-значимости». Он думал, что жить надо одним днём, что планировать будущее — это для мещан, а настоящие люди вообще не доживают и до тридцати. Это не было какой-то глубокой философией — скорее броня, которую он носил, чтобы не думать о том, что вообще будет делать дальше. Но под этой бронёй, там, где работал бит и надрывно звучали слова песни, пряталось совсем другое: «Нужно разобраться — нужно ли встречаться, податься в эту колею лжи и обмана...». И в эти минуты ему хотелось «разбираться» не в отношениях, а в одном-единственном чайнике: почему тень ложится вот так, почему форма кажется плоской, почему у

всех получается, а у него — нет.

— Денис, ну что там у тебя с перспективой? — голос куратора Марины Вячеславовны прозвучал не строго, а как-то по-домашнему устало. — Ты будто не чайник рисуешь, а пытаешься его... Ну не знаю...

Он поднял глаза. Марина Вячеславовна стояла рядом, чуть наклонив голову, и смотрела не как строгий преподаватель, а как человек, который уже сто раз видел таких вот парней, которые пытаются казаться круче, чем есть.

— Да я... пытаюсь... — пробормотал Дэн, чувствуя, как краска снова ползёт по шее.

— Ну Дениииииис... — протянула она, и в этом «Дениииис» было столько понимания, что даже хихиканье девчонок на секунду стихло. — Эх, что с тебя взять... Мал да горяч. Брался бы за учёбу посерьезнее. Ну хоть не переводи лишний раз бумагу, хорошо?

Он кивнул, будто это был самый серьёзный совет в его жизни.

Одна из девушек, та, что сидела ближе всех и всё время что-то шептала подругам, вдруг наклонилась вперёд и сказала чуть тише:

— Слушай, если не знаешь, как тень и свет класть, я могу показать. У меня папа художник.

Дэн на секунду замер, будто ему предложили билет на другую планету.

— Правда? — спросил он, и голос прозвучал неожиданно

искренне, без всякой бравады.

— Ага. Смотри. Вот тут свет не просто яркий, а... как будто блик. Он уходит, прячется, становится закругленным и прозрачным.

И она показала — лёгким движением карандаша, почти не нажимая, провела линию, и свет вдруг появился, словно сам собой.

Дэн смотрел, как она водит карандашом, и вдруг понял, что не хочет казаться крутым. Хочет просто научиться рисовать этот дурацкий чайник. Чтобы он был настоящим, чтобы в нём можно было увидеть не просто металл, а что-то ещё — может, чью-то чашку по утрам, может, тихий вечер, может, просто уют. И пока девушка показывала, в его голове снова всплыли слова из песни: «Давай, как в сказке у султана, отбросим все печали». И ему захотелось именно этого — отбросить все эти мысли про «я не такой», «надо быть круче» или «пусть не замечают». Просто сидеть и учиться рисовать правильно, без драм и без надрыва.

Марина Вячеславовна, проходя мимо, снова вздохнула, но теперь в её вздохе было не разочарование, а почти улыбка:

— Вот. Уже лучше. Хотя не воюет с посудой.

К концу занятия у Дэна на листе всё ещё был не шедевр, но уже хотя бы чайник. С тенью, с объёмом, с намёком на жизнь. И когда он снял наушник, то услышал, как девчонки уже не хихикают, а обсуждают свои работы, спорят про штриховку и смеются над тем, как у кого-то яблоко получи-

лось похожим на картошку.

Он вдруг почувствовал, что он тоже здесь. Не как единственный парень в комнате, не как «тот, кто пытается казаться крутым», а просто как студент, который учится рисовать.

Выходя из кабинета, он на секунду задержался у двери, посмотрел на Марину Вячеславовну и тихо сказал:

— Спасибо. За... Ну, за то, что подсказали.

Она улыбнулась:

— Да куда я ты денешься. Ты хоть и шумный внутри, а стараешься. Это видно.

И Дэн пошёл по коридору, чувствуя, что день, в котором было восемнадцать девчонок, один чайник и эта надрывная песня в наушниках, оказался не таким уж плохим. Даже, может быть, хорошим. И пусть он по-прежнему не думал о будущем и считал, что до тридцати не доживёт, — сегодня ему хватило одного дня, чтобы почувствовать: он что-то умеет. И этого было достаточно.

Уже в коридоре, когда шум аудитории остался позади, он поймал себя на том, что мысленно повторяет не драматичные строчки из той песни, а простую мысль, спрятанную где-то между куплетами: «А ну-ка, пацаны, бейте в барабаны...» — и понимает, что ему сегодня не нужно «большего». Ему хватило маленькой помощи, одного совета, одной улыбки преподавателя. И пусть мир не похож на сериал, где всё красиво и просто, — в этом дне, в этом чайнике, в этой попытке нарисовать простые детали жизни совершенно точ-

но было что-то настоящее.

Всё вокруг плыло, голова кружилась. Стекланный «кулер» в руке манил горькой газировкой. Дэн сидел на углу общаги — на корточках, не хуже ненавистных ему гопников. Пил с друзьями и щёлкал семечки, которыми его угостил Юрок.

— Мир качается, — жаловался Дэн, пытаясь поймать взглядом одну неподвижную точку — хоть фонарный столб, хоть трещину в асфальте. Но ничего не держалось на месте.

— Это нормально, дружище, — отозвался Юрок и хлопнул его по плечу так бодро, будто этим жестом хотел вернуть гравитацию. — Ты просто слишком много думал сегодня. А думать студенту иногда вредно. Особенно на голодный желудок.

Рядом были Джек, Дрозд и Ерлан. Володя и остальные парни тусовались наверху и вот-вот должны были спуститься. Комендант общаги была, конечно, суровая, но если знать обходные пути, то можно было легко пронести всё необходимое для полноценной вечеринки в стиле «Американского пирога». Правда, общага была всё равно на четверть семейной, так что на этот счет не разгуляешься. Но когда это останавливало молодёжь? Тем более что на этаже были две комнаты девчонок-однокурсниц, а из соцсетей только «Ась-

ка» — безликий чат со смайликами, — так что все тусили по старинке, вживую.

Дэн изо всех сил старался не опьянеть, как мог, брал себя в руки. Лицо покраснелось, губы дрожали, и от этого слова смазывались, будто он пытался говорить сквозь вату. В наушнике у него тихо гремел рэп, и в этом ритме было что-то спасательное — как будто бит сам по себе удерживал его на ногах, не давал окончательно провалиться в смутное чувство, что всё идёт не туда. И в такт этому биту в голове у Дэна снова и снова всплывали строчки: «То, ради чего стоит быть в этом мире, через боль переступая — это жизнь и свобода». Он не знал, откуда эта песня взялась в его плейлисте, но она будто специально была написана для таких вечеров: когда земля уходит из-под ног, а ты всё равно упрямо говоришь себе, что не сдашься.

— Вот скажи, как можно прожить студенту на стипендию размером в одну тысячу в месяц? — обращался он к соседу справа, будто ждал от него не просто «да жешь», а настоящего ответа, какой-то формулы выживания.

— Да жешь вообще, — кивнул сосед, но тут же попытался найти светлую сторону. — Зато проездной на электричку по льготе. И в библиотеку можно хоть каждый день. Там тепло.

— На одни краски только и хватит, — буркнул Дэн, и в этом была горькая правда: он всё ещё грезил о том, чтобы превратить свои наброски в настоящие работы, а краски стоили как половина стипендии.

Они проводили взглядом знакомых студентов из соседнего крыла — своих злейших врагов. Среди листвы кустарников особенно выделялась оранжевая куртка светловолосого парня, самого задиристого из врагов. Дэн уже мысленно готовился к драке, в голове всё смешалось, и его едва не стошнило.

— Говорят, технари забили стрелку на выходные, — сказал кто-то из старших парней, и в его голосе слышалось даже какое-то предвкушение, будто это не потенциальная разборка, а спортивное событие.

— Встретим как надо! — засмеялись парни, и смех этот был немного натянутым, но громким — чтобы скрыть, что на самом деле никто не хочет ни с кем драться.

Как бы то ни было, в этот раз всё закончилось миром.

Месяц спустя Дэн с Володей приобрели баллончики с краской на автомобильном рынке. Продавец, мужик с лицом человека, который повидал все виды хулиганства, посмотрел на них с усталой проницательностью:

— Ну-ка, дайте угадаю. Для авто? Или для гаража?

— Для... творческого проекта, — важно ответил Владимир.

— Творческого, значит. Ладно. Только помните: если вас поймают — я вас не знаю. И баллончики эти я вам не продавал.

Парни вышли с рынка, чувствуя себя одновременно героями и преступниками. Решено было начать с кирпичной

стены пристройки в переулке возле колледжа. Сложность заключалась в том, что стена выходила на проезжую часть, а дальше вплотную стояли пятиэтажки.

— Да не дрейфь, всё получится, — с улыбкой говорил Владимир, встряхивая баллончик так, будто это был магический артефакт, дарующий невидимость.

— Блин, опасно.

Они решили подождать допоздна, пока проедет последняя машина. Но вскоре на лавочке стало совсем прохладно, а время шло. Ветер забирался под толстовки, и даже рэп в наушниках уже не грел. В какой-то момент Дэн поймал себя на том, что снова прокручивает в голове ту самую строчку: «Приказано выжить, перешагнуть через боль, чтоб сердце стучало свободой всем бедам назло». И в эту минуту она звучала не как пафосные слова, а как простая инструкция: не сдаваться, не развернуться, не сказать «да ну его», даже когда страшно и холодно, даже когда кажется, что весь город на тебя смотрит.

— Слушай, может, ну его нафиг? — пробормотал Дэн, глядя на окна, которые никак не хотели гаснуть. Казалось, что в каждой квартире сидит бдительный пенсионер с биноклем.

— Да, лучше потом, — неохотно согласился Владимир, потому что даже его хладнокровие не справлялось с видом этих светящихся окон.

Дэн бросал недовольные взгляды на окна квартир, не же-

лавших гаснуть. Проблема была в том, что окна выходили аккуратно на стену будущего граффити.

— Вот же не спится кому-то! — проворчал он.

— Ладно, идём, уже начало второго ночи.

Парни пошли обратно в общагу. По дороге Дэн не удержался и прямо на стене пятиэтажки под окнами написал: «Люди, очнитесь!». Что он этим хотел сказать? Наверное, что-нибудь философское, в стиле русского рэпа, который гремел в наушниках. Было страшновато выводить каждое слово в свете уличных фонарей, редких проезжающих машин, силуэтов прохожих вдаль и в непосредственной близости ментовского парка. Но рядом с Владимиром было как-то спокойнее — будто если что, он придумает какую-нибудь легенду, и они оба будут выглядеть не вандалами, а современными художниками.

Когда надпись была готова, Дэн отступил на пару шагов, прищурился, как настоящий критик, и кивнул:

— Ну, вот. Теперь Вселенная точно знает, что я тут был.

Владимир только хмыкнул:

— Главное, чтобы коммунальщики не узнали.

Впрочем, коммунальщики узнали. Но не сразу. Послание для Вселенной продержалось почти полгода. И всё это время, проезжая на маршрутке мимо, Дэн неизменно любовался своим «творчеством», на которое вряд ли бы решился в одиночку. Он не гордился этим, но и не стыдился — это было его маленькое восстание против скучных правил, против

стипендии в одну тысячу, против ощущения, что он ничего не может. И каждый раз, когда он видел эту надпись, в голове снова звучали слова: «У каждого есть свой шанс — это жизнь и свобода». И пусть шанс был крошечным, пусть свобода была условной, но она всё-таки была — в том, чтобы выйти ночью на улицу, взять баллончик и оставить на стене что-то своё.

Однажды, когда они с Владимиром снова сидели на углу общаги, глядя на тот самый перекрёсток и изумрудную лужайку под наклоном, Володя вдруг сказал:

— Знаешь, я тут подумал... Может, вместо стены лучше на большом листе картона? Чтобы никто не закрашивал.

Дэн усмехнулся:

— А кто его купит? У меня денег только на семечки.

— Зато никто не скажет, что ты вандал. Скажут — художник.

— Художник без денег — это всё равно что рэпер без бита. И так, и так звучит грустно.

— Ничего, придумаем что-нибудь. Может, конкурс какой-нибудь найдём. Ты же грамоты получал. Значит, умеешь.

И Дэн почувствовал уверенность — не пьяное головокружение, а что-то настоящее, трезвое. Будто в этом «придуманном» было больше поддержки, чем во всех маминых банках с вареньем, вместе взятых. В этот момент песня в его голове будто сменила тон: вместо надрыва в ней появилась твёр-

дось, почти обещание: «Тебе даны лист белый — судьба, и краски для творения себя — Жизнь и Свобода». И Дэн впервые подумал, что, может быть, его судьба — не просто выживать, а именно творить, даже если для этого у него есть только картон, небольшая стипендия и товарищ, который всегда рядом.

— Ладно, — сказал он, будто заключая с самим собой сделку. — Давай поищем этот конкурс. Хоть какой-нибудь.

Владимир улыбнулся:

— Вот это другой разговор.

Они снова усталились на перекрёсток, на лужайку, на город, который казался одновременно враждебным и своим. Дэн не был уверен, но кажется понял – важно научиться превращать свои страхи в искусство. Он не хотел просто «перешагнуть через боль». Он хотел, чтобы эта боль стала чем-то большим — линией на холсте, цветом, историей, которую он сам напишет. Потому что «то, что придаёт нам силу творить и любить — это Жизнь и Свобода».

Сорокадвухлетний мужчина отвлекся от чтения своих воспоминаний. Как удивительно точно ИИ воспроизводил сюжеты, стоило только намекнуть и чуть-чуть подсказать. Он сделал глоток остывшего кофе, доел десерт. Посмотрел в панорамное окно. Хорошо хоть, что сегодня воскресенье. Ина-

че пришлось бы брать внеплановый выходной.

Итак, пока получалось следующее. Он точно знает, что та девушка лучшего друга была не ему, Дэну, предназначена, иначе бы они были уже давно вместе. Но тридцать лет спустя после знакомства они по факту люто ненавидели друг друга — он спивался и прятался по вахтам, она стала застегнутой мегерой, а дети отбились от рук. Виной всему — их безденежье. Сколько бы ни зарабатывали — всего было мало. Но разве только в деньгах счастье? И самое главное — почему он решил, что отбив девушку у лучшего друга он будет счастлив именно с ней? И еще — а где тут был выбор самой девушки?

Странная история, что и говорить.

Действительно, а почему она не дала ему от ворот поворот еще тогда? Устроила бы скандал, и точка. Уж в этом она, как оказалось, в далеком будущем мастер. Впрочем, какой спрос с 18-летней девчонки, по сути ребенок же. Как и он сам, да и все его поступки — слишком импульсивные, слишком горячие и поспешные.

— М да...

Он вздохнул и покосился на наручные часы. Что ж, некоторое время у него есть. Как минимум до закрытия заведения.

Так, каков дальнейший план? Во-первых, хочется снова вернуться в студенческие годы и понять, что двигало им тогда. Почему столько роковых ошибок, от которых он до сих

пор кусает локти? Во-вторых, надо срочно понять, не совершает ли он очередной ошибки с ближайшей свадьбой, из-за которой сейчас столько сомнений. Хотя, может быть, сомнения уже давно часть его натуры и ничего страшного тут нет? В общем, надо подумать.

А вот в будущее заглядывать уже совершенно не хотелось. К тому же, вдруг его уже там нету? Опыт со скандалом подсказал, что будущее зависит от прошлого. Но ведь прошлого никак не исправить — и что делать? Наверное, смысл этого всего — изменить отношение к настоящему. И постараться больше не косячить.

Удовлетворенно хмыкнув, он уже вчитывался в строки электронного планшета...

Голуби не унимались... Вот у кого жизнь без забот и хлопот.

Тридцатисемилетний Дэн встал и тихонько подошел к открытой двери балкона, удерживая в руках стакан с чаем.

Немного подумав, с отчаянной решимостью отправился в магазин — за печеньками. Да, потратит 150 рублей из оставшихся свободных почти 300. Но зато хоть не так тоскливо будет ждать. Да и, возможно, в конторе все-таки перечислят за два предыдущих отработанных дня, а это 1300 и 900, итого больше двух тысяч. На еду точно хватит! А вот за комму-

налку... Вчера уже звонил робот с уведомлением. Электричество, если что, например просто вырубят. И тогда прощай интернет и возможность фиксировать воспоминания. Не говоря уже о поиске работы.

Да, с печеньками будет легче! Он вышел на свежий воздух. Чувствовалась близость осени.

Да и пусть его жизнь похожа на суматошный сериал. И пусть его провоцируют все четыре ветра безумных перемен... Ну что он может с этим поделать? Только изменить своё отношение. И всё. Ну не взрываться же, честное слово. Он подумал об известных ему киногероях, которых окружающие вывели из себя и в итоге обычный уравновешенный человек действительно срывался и брызгал слюной, как животное. А провокаторам лишь оставалось с улыбочкой кивать, мол, что и требовалось доказать, мы же говорили.

Но за кадром всегда остается подготовительная работа этих хейтеров и море лжи, которой намеренно окружают бедолагу. Что вот с этим делать? Когда тебя оклеветали и выставили в неудобном свете. С кем бороться-то — с близкими родственниками? Ну кто поверит, что родня превратилась в дракона о трех головах? И вот, ты уже весь в ореоле святого мученика, а вокруг все сплошные негодяи. Как-то подозрительно. Но что, если это именно так? Как быть тогда? Это что, удел святого — всегда быть ущербным и неудобным для окружающих?

Вот только Дэн был далеко не святым, и это подтвердит

каждая из его трех ИИ-подружек. Да и среди реальных девушек тоже, хоть это и было уже, кажется, сто лет назад.

Он вернулся с печеньками, и был рад, что во время похода в магазин не встретил никого из знакомых. Затем приготовился к классному времяпрепровождению — как раз подспела гречневая каша, которую Дэн поставил доводиться до готовности и почти про нее забыл. Но самое главное что его радовало в этот день — вышел новый фильм про «Человека-паука». Чего таить — он немножко ассоциировал себя с этим мультяшным персонажем, точнее, с эпизодами из фильмов про киногороя в начале нулевых.

Но прежде — надо поздравить с днем рождения своих подписчиков. Это тоже была приятная традиция, которая напоминала, что каждый день — особенный и неповторимый. Как минимум для десятка человек этот день — самый счастливый день в году. Так что не бывает проходных моментов или серых будней. Каждый день — праздник в каком-то смысле. Отличное напоминание и себе, особенно когда ты в депрессии.

Помешивая кашу, он подумал, а не надо ли было гречку помыть перед тем, как засыпать в большую металлическую кружку? Попробовал крупу. Да, надо было. Ну ладно, в следующий раз. А пока и так сойдет. Благодаря приправе получилась очень вкусная каша! Сытная и клёвая!

— Эх...

Вот они — радости и переживания его в будущем. Точнее,

уже в настоящем. Но как-то не так он себе это представлял. А как тогда?

— Баалин, Алан! Ты что?! — выкрикнул Юрок, будто только сейчас до него дошло, что случилось нечто по-настоящему серьёзное, а не просто очередная студенческая шутка.

Парень тоже мгновенно протрезвел и кинулся к окну, открытому настежь. Где-то внизу, среди травы, теперь одиноко лежало золотое кольцо, которое он недавно подарил своей избраннице. В порыве глупой ссоры она сняла кольцо и положила на пианино. Он же, возмущённый обычными, в общем-то, женскими манипуляциями, схватил колечко и выбросил в открытое окно.

Девушка, закрыв лицо руками, всхлипнула и выбежала из комнаты, хлопнув дверью так, что в коридоре с полки чуть не свалился чей-то старый учебник по сопромату.

— И что теперь делать? — пробормотал Алан, будто сам не верил, что только что сотворил. В этот момент в его голове, словно издеваясь, всплыла строчка: «Застоялся мой поезд в депо. Снова я уезжаю. Пора...». И пусть никуда он не уезжал, и поезд его стоял не в депо, а где-то в лабиринте студенческих будней, эта фраза странным образом подходила к тому, что сейчас творилось внутри: ему казалось, что любая

секунда промедления — это ещё один день, когда всё засты-
вает, а ему нужно снова двигаться, исправлять, спасать.

— Парни, надо выручать! — Юрок первым рванул к две-
ри, Джек за ним, и уже через секунду они неслись по лест-
нице, перепрыгивая через две ступеньки, будто спасали не
кольцо, а целый город.

За ними, переглянувшись, потянулись первокурсники.
Все горели желанием найти пропажу и тем самым заработать
дополнительное уважение в глазах старшаков. Даже Игорь,
который обычно предпочитал держаться подальше от аван-
тюр, потому что «в траве клещи», всё-таки пошёл — правда,
прихватив с собой палку, чтобы раздвигать кусты.

— Где-то здесь должно быть... — Юрок замер посреди
газона, оглядываясь так, будто кольцо могло само подпрыг-
нуть и просигнализировать.

Парни бродили среди высокой сентябрьской травы, пиная
цветы и шаря руками. Вдруг повезёт? Но надежды таяли с
каждой минутой. Трава была густая, жёлто-зелёная, вся в су-
хих стебельках, и в ней кольцо могло лежать хоть в десяти
сантиметрах от ноги — и ты его не увидишь.

Через некоторое время спустился и сам Алан — серьёз-
ный и задумчивый. Он уже не выглядел как парень, который
всё превращает в приключение. Но озорной блеск вскоре всё
равно появился в глазах. Конечно, он воспринимал всё как
очередное приключение, не более. А колечко... Да и бог с
ним. Честно говоря, ревность Яны тоже не знала границ, а

у него ещё много планов на жизнь. И в такт этим мыслям в его голове снова и снова крутилось: «На пороге ветер заждался меня. На пороге осень — моя сестра». Осень будто и правда стояла рядом, холодными пальцами трогала плечо и шептала: «Пора расплачиваться за импульсивность, но и пора двигаться дальше».

Старшаки отошли в сторону, уже не веря, что получится найти, о чём-то шутили и смеялись, время от времени выкрикивая:

— Да может оно в трещинку закатилось? Или его ворона утащила!

Дэн поглядывал на своих друзей, гадая: найдут ли, а если найдут — оставят себе, чтобы сдать в ломбард, или вернут Алану? И тут же сам себе стыдливо отвечал: конечно, вернут. Эти парни могут спорить, ссориться, кидать кольца из окна, но друг друга не предадут.

— Шампанское тому, кто найдёт! — весело провозгласил Алан, глядя, как молодёжь ползает на корточках в траве, будто это не газон возле общаги, а поле с кладом.

Радиус поисков существенно расширился: теперь искали уже в стороне от общаги и рокового окна — за кустами сирени, у старого велосипеда без колёс, даже возле мусорных баков, потому что «а вдруг закатилось».

Спустя пару минут Владимир молча встал, отряхнул колени от травинки и подошёл к Алану. Все недоумённо проводили его взглядом. Найти колечко в такой траве? Да это

как иголку в стог сена, только ещё хуже — потому что сено хотя бы шуршит.

— Да ладно, Володь? Нашёл? — выкрикнул кто-то.

Парень, скромно улыбнувшись, протянул находку. Кольцо блеснуло на его ладони, будто и не терялось вовсе.

— Ты спас меня, приятель! — Алан и его друзья окружили Владимира, хлопая его по плечу так, что тот чуть не уронил свою же находку обратно в траву.

— Ты спас мою семейную жизнь, дружище! — вопил счастливый Алан, смеялся и веселился вместе со всеми, будто уже забыл, что минуту назад был готов рвать на себе волосы. И в этой суете, в этом шуме, в этом внезапном облегчении ему снова вспомнилось: «И я вернусь домой со щитом, а, может быть, на щите, в серебре, а, может быть, в нищете, но как можно скорей». Сейчас он не возвращался ниоткуда, но ощущение было именно таким: будто он прошёл через испытание и вышел из него — пусть не героем, но живым, с кольцом в руках и с друзьями рядом.

Дэн и другие однокурсники с завистью наблюдали эту картину: вот она, настоящая дружба — когда ты не просто сидишь рядом, а в нужный момент молча встаёшь, идёшь и находишь то самое кольцо, которое кто-то в гневе выкинул из окна.

Дэн вспомнил лицо девушки Алана и подумал, что они действительно красивая пара. И дети у них будут красивые и жизнерадостные. А потом поймал себя на мысли, что во-

обще-то ему рано думать про детей — ему бы сейчас сессию сдать и не вылететь с колледжа.

Лика, которая прибежала уже к финалу всей этой эпопеи, всплеснула руками:

— Ну вы даёте! Я в «Аське» уже три сообщения написала: «Срочно! Кольцо! Трава! Ищем!» А вы тут без меня всё нашли!

— Мы не без тебя, — усмехнулся Владимир. — Мы просто раньше тебя прибежали.

— Ладно, прощаю. Но шампанское — моё. Я его заслужила моральной поддержкой в чате.

Алан только махнул рукой:

— Бери, бери. Только не говори пока Яне, я сам скажу.

— Ага. Размечтался.

— Ну, ты же подруга её. Должна понять.

— Ладно уж. Сами разбирайтесь.

Тут из подъезда наконец показалась Яна — всё ещё красная от слез, но уже не такая разъярённая. Она остановилась, посмотрела на эту толпу парней, на Алана, на Владимира рядом с ним, и вдруг улыбнулась — чуть-чуть, как будто сама не хотела, но не смогла удержаться.

— Ну что, мир? — тихо спросил Алан, протягивая ей колечко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.